

Иншаков О.В.,

Лебедева Н.Н.

Институциональная теория в современной России: достижения и задачи развития

ВВЕДЕНИЕ

Исторические корни развития институциональной теории в России затерялись в глубине веков. Отдельные элементы институционального подхода проявились в российской школе экономической мысли довольно рано, в процессе ее формирования. Они развивались, интегрируя в себя достижения западной науки, создавая некие структурные разделы и направления отечественной экономической школы, развивая и адаптируя институциональную теорию к специфическим условиям России. Элементы традиционного институционализма характерны для трудов Л. А. Ордина-Нащокина, Ю. Крижанича, И. Т. Посошкова, М. В. Ломоносова, С. Ю. Витте, А. И. Чупрова, М. И. Туган-Барановского, Н. А. Бердяева, А. А. Богданова и др. [1]. Потом был период неосознанного развития институциональных аспектов государственно-монополистического социализма. Затем, в 50—60-е гг. XX в. в отечественной экономической науке сформировалось так называемое «новое направление», представители которого отстаивали целесообразность институционального подхода в исследовании экономики СССР. В рамках этого направления работали П. В. Волобуев, М. Я. Гефтер, И. Ф. Гиндин, Ю. Н. Нетесин, К. Н. Тарновский и др. Первые монографические работы, посвященные непосредственно институционализму, вышли в России еще в 80-е годы XX столетия [18; 33; 49]. В них институционализм рассматривался преимущественно с критической точки зрения как одно из реформистских направлений преобразования капитализма.

Интенсификация отечественных исследований институциональных проблем в аспекте развития общей теории хозяйственных систем и в аспекте трансформации институтов и механизмов функционирования экономики России в современной реформе произошла в 90-е годы XX столетия в результате:

- *развития мировой науки*. Неудовлетворенность рецептами неоклассической школы обусловила интерес к институциональной теории, пытающейся преодолеть ограниченность предпосылок, характерных для экономикс: полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др. Исследование новых явлений эпохи НТР с использованием традиционных методов анализа не давало адекватных результатов, так как не учитывался фактор неполноты информации, заданности траектории развития, влияния степени институционализации субъекта на выбор им того или иного варианта хозяйственных взаимодействий;

- *необходимости исследования феномена перехода к рыночной экономике в России и других постсоциалистических странах*. В российской экономике предпосылки, используемые неоклассической теорией, еще не сложились, поэтому подход, основанный на деятельности рационального, максимизирующего полезность в условиях совершенной конкуренции индивида, противоречит реальному положению вещей. Широкомасштабные реформы, происходившие в восточноевропейских странах с 90-х годов XX столетия, выявили, сколь велика потребность в развитой теории институциональных экономических изменений;

- *включения российской национальной экономики в мировые хозяйственные процессы*, что обусловило поиск путей идентификации условий и факторов,

траектории и направления, норм и правил хозяйственных взаимодействий, практикуемых в мировой экономике.

Таким образом, российская экономическая наука в поисках теории, способной заменить ортодоксальный марксизм, с одной стороны, и приблизить нас к пониманию трансформационных процессов на основе современных достижений экономической мысли — с другой, пришла к институционализму, органично сочетающему методологические подходы к индивиду как продукту предшествующего развития социально-экономической системы и его созидательной возможности преобразования общества через развитие коллективных образований — институтов.

Можно утверждать, что в мировой науке идет процесс формирования новой экономической теории, пытающейся синтезировать, а не суммировать лучшие достижения мировой экономической мысли, понимая разность методологических, уровневых подходов, их масштабность и аспектацию. Развитию экономической теории институционализма в этом процессе принадлежит существенная роль.

1. ИНСТИТУТ КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исходной проблемой институциональной экономической теории стало определение центральной категории. Естественно, что одной из наиболее часто исследуемых и тем не менее недостаточно глубоко разработанных проблем институциональной теории является категориальное осмысление феномена института в хозяйственной системе и дефиниция понятия «институт». Большинство ученых [41; 44; 54; 55; и др.] определяют институт как совокупность правил, устойчивых норм (формальных и неформальных), упорядочивающих взаимодействия между субъектами. Анализ трактовок института, предлагаемых отечественными экономистами, подтверждает восприятие ими позиции, господствующей в западной науке и сформулированной в работах Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и др. Данный подход свидетельствует о не критическом восприятии и поверхностном заимствовании понятия, не отражающего в должной мере категориальную сущность явления.

В то же время появляются оригинальные трактовки института как комплекса устойчивых ролевых функций [9], что ближе к социологической традиции объяснения, или функционально-организационных форм коллективной экономической деятельности [11], отражающие структурный подход к исследованию института.

Еще одной проблемой определения института является его расширительная трактовка. Институты отождествляют с правилами, регулирующими деятельность хозяйственных субъектов, структурами, ограничивающими их действия, организациями, в которых осуществляется целенаправленное преобразование ресурсов, алгоритмами поведения хозяйственных субъектов, инструментами регулирования хозяйственных отношений и т. п. Даже в учебной литературе [41, с. 188] встречаем определение институтов, из которого не ясно, чем институты отличаются от отношений, инструментов, механизмов, функций, организаций.

Такие собирательные трактовки институтов свидетельствуют, во-первых, о механистическом пока восприятии формирующих теорию положений в переводной и оригинальной западной литературе по проблемам институционализма; во-вторых, о слабости и робости попыток отечественной науки преодолеть этот конгломератный подход; в-третьих, об актуализации проблемы категориальной спецификации этого явления в хозяйственной жизни и, соответственно, в экономической теории.

Своеобразие современного подхода выразилась и в использовании образного языка в категориальном описании института. Для раскрытия смысла институциональных явлений зачастую заимствуются термины как из смежных наук (кибернетика, эконометрика, социология, история, правоведение), так и весьма далеких от экономики (медицина, химия, физика), употребляются образные

выражения, используется терминология, не относящаяся к экономической науке. Таковы «пучок» прав собственности, «трансплантация» институтов, институциональная «ловушка» или «матрица», институциональная «фауна», «перегородка», «забор», «городской ландшафт» и др. Использование такого образного языка подтверждает тот факт, что отечественная институциональная теория на начальном этапе развития исходит из ассоциативного описания эмпирически обобщенных явлений институциональной сферы и не может еще применить общетеоретические, общенаучные, философские категории в полной мере.

Например, пучок прав собственности есть определенная правовая форма выражения реально сложившейся в хозяйстве комбинации отношений собственности, степень комплементарности и соразмерности которых влияет на эффективность хозяйственных взаимодействий субъектов и их агентов. Трансплантация институтов, по сути дела, означает сложный процесс их использования, заимствования, импорта, адаптации в новой экономической системе, как извлеченных из цивилизационно и (или) формационно другой экономической системы, а также их сопоставимость, взаимодействие, соответствие другим отношениям новой среды. Институциональная ловушка есть превращенная форма института, в которой институциональные отношения приняли форму и обусловили вектор развития, не способствующий непосредственной реализации их сущности. Поэтому эта ловушка и есть временная, переходная форма существования и адаптации при невозможности непосредственной реализации института. Городской ландшафт — институциональное поле взаимодействий, матрица — структура институциональных отношений; забор — институциональные ограничения и проч.

Таким образом, представляется необходимым на современном этапе развития институциональной теории сосредоточить внимание на категориальном определении как самого хозяйственного института, так и системы категорий отражения институциональных отношений общества. Это позволит создать новые возможности развития институциональной теории в русле методологии рационального универсализма и феноменологического подхода.

В связи с разрабатываемыми новыми направлениями в институционализме возникает проблема целостности институциональной теории. Ее можно критиковать как за отсутствие четких формулировок основных, базовых понятий, так и за недоказанную невозможность формализации, математического описания. Но присутствие новаторского духа в институциональных разработках современных отечественных исследователей и стремление принести реальную пользу развитием этого направления экономической науке и практике неоспоримо.

Хотя основное внимание обращено пока в большей мере на популяризацию основных идей институционализма, имеются и оригинальные исследования, позволяющие проследить тенденции становления целостной институциональной теории в отечественной школе экономической мысли. Довольно значительны исследования институциональной природы фирмы, интегрированных структур российской промышленности, бартера, формирования эффективного частного собственника [3; 4; 15; 16; 17; 30; 31; 32; 46]. Выделяются работы по теории трансакционных издержек в условиях перехода от плана к рынку, рассмотрению трансакционных издержек как барьеров входа на российские рынки, как фактора развития теневой экономики [19; 20; 44; 51; 52]. Немало статей посвящено анализу институтов российского рынка, выполняемых ими функций, специфике и возможности заимствования институтов, принадлежащих другим экономическим системам.

Вместе с тем институциональная теория недостаточно внимания уделяет компаративистским и региональным исследованиям, практически нет исследований по развитию системы региональных институтов, выявлению и сопоставлению

основных тенденций и закономерностей развития институтов как в отдельно взятых странах или группах стран, так и в мире в целом. Взаимное приспособление, взаимная адаптация в условиях глобализации экономики является одним из основных направлений развития институтов сегодня. При каких условиях возможен переход институтов из одного общества в другое. Какими должны быть эти условия, какие промежуточные институты следует создавать и как организовать мониторинг изменений в них? Следует ли придерживаться крайних позиций — создавать свои специфически российские институты, заимствовать развитые институты из других стран, пытаться адаптировать к российским реалиям уже готовые институциональные формы или совмещать создание, заимствование, адаптацию на основе нескольких компонент с учетом уровня зрелости и состояния общества? Ответы на эти вопросы позволят значительно продвинуться не только в направлении развития институциональной теории, но и понимания и исправления тех процессов, которые происходят в российской экономике.

К проблеме формирования целостной институциональной теории тесно примыкает и проблема ее обогащения исследованием возникающих новых институтов. В этой связи следует особо отметить выдвинутую Д. С. Львовым [29] идею о необходимости развития института национального имущества как особого фактора стабилизации и создания предпосылок роста в переходной экономике России. Реализация его мощного социального, экономического и консолидирующего потенциала возможна посредством введения в стране специфической формы дохода, интегрирующей институты национального имущества, государства и гражданства. Задача состоит в том, чтобы обосновать эффективный механизм реализации этого института на благо утверждения необходимых стартовых и поддерживающих механизмов жизни человека в России в соответствии с идеалами концепций сформированного общества и устойчивого развития [29; 30]. Субъектом института национального дивиденда выступают все граждане страны, которые должны получать определенную «выгоду» от участия в этом институте. Сопричастность к единому общественному целому в территориальном, экономическом, культурно-историческом и духовно-ценностном пространстве должна быть материально осязаемой. Граждане страны должны отождествлять интересы своей самореализации с сохранением территориальной целостности России, с ростом общего, а не только индивидуального или группового благосостояния, они должны ощущать себя членами одного общества на деле.

Национальный дивиденд выступает в качестве части предпринимательского дохода и включает ренту от коммерческой эксплуатации земли. Выгоды от использования земли как особого ресурса общества, особого объекта собственности не могут принадлежать отдельным монополизировавшим ее лицам. Частные предприниматели, использующие землю, извлекающие доход из ее недр, получают значительную дифференциальную ренту I, которая по праву принадлежит всем гражданам страны. Аккумуляция этой ренты в системе общественных (государственных) финансов и распределение между гражданами страны в равных долях позволит реализовать принцип равных возможностей для всех.

Институт национального имущества и доход в виде дивиденда от него может стать главным экономическим звеном системы социальных гарантий, обеспечивающий достойный, гарантированный каждому работнику минимум заработной платы, увеличивающийся по мере роста доходности национального имущества. Получая ренту от общенародного достояния, каждый гражданин имел бы возможности для дальнейшего роста и развития, а это изменило бы качество жизни, обеспечило равные стартовые условия, повысило вероятность активного участия в других институтах, и прежде всего предпринимательства.

Таким образом, перед исследователями открывается широкое поле деятельности, в рамках которого они не только интерпретируют институциональные положения применительно к российским реалиям, но и разрабатывают новые, значимые для понимания переходных процессов и институциональной системы в целом проблемы.

2. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОЛЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Нуждаются в глубоком исследовании сущность и явления института в хозяйственной деятельности субъектов национальной и мировой экономики. Первым шагом в определении института является редуцирование данного понятия до простейшего отношения. Анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей показал, что к таковому относят институции, обычаи, привычки, традиции, обряды, мифы, сказания, образ мыслей, представления и проч., сложившиеся у определенной группы людей. Такой разнопорядковый перечень явно нуждается в синтетическом определении, объединяющем их и позволяющем специфицировать сущность явления однозначно.

Отправным тезисом может служить высказанное О. Уильямсоном положение о роли послушания и оппортунизма в становлении и изменении институциональных требований. Послушание, или выраженное индивидами согласие соблюдать установленные ограничения, способствует реализации институциональных требований в хозяйственной деятельности субъектов [53, с. 100—101]. Оппортунизм, или «преследование личного интереса с использованием коварства» [53, с. 97], обеспечивает накопление изменений в институциональных требованиях. Увеличение частоты применения этих изменений, отклонений, исключений из правил в итоге способно повлиять на изменение института в целом [53, с. 97—100] и привести к установлению новых параметров согласия, в рамках которых будут строить свои взаимоотношения субъекты хозяйствования. Мы считаем, что отправным, исходным для понимания сути института, таким образом, является отношение согласия, возникающее, устанавливающееся между субъектами в процессе их жизнедеятельности. Привычки, обычаи, представления лишь тогда будут служить объединению людей, когда их разделяют, поддерживают, признают большинство из них, т. е. когда их использование согласовано между определенным числом субъектов отношений.

На поверхности явлений отношения согласования проявляются как отношения координации, адаптации, ассимиляции, взаимообусловленности, целеполагания, функциональной целостности. Дальнейшая разработка парных категорий сущности и явления позволит не только углубить наше представление об институтах, но и определить направления, методы, средства их использования в деятельности субъектов хозяйствования.

Еще одной проблемой исследования является анализ содержания и формы институтов. Содержание института, раскрытое со структурно-функциональных позиций, предполагает определение субъекта, объекта отношений и функций, выполняемых субъектами в процессе реализации основного отношения — отношения согласования взаимодействий субъектов. В качестве институционального субъекта исследователи рассматривают предприятие [16; 17], интегрированные структуры [4], государство [37; 45].

Общим основанием названных субъектов является их ассоциированная природа как совокупность субъектов и агентов, разделяющих нормы и правила, регулирующие их деятельность. Немецкий антропософ Ф. Вилькен, так же как и американский исследователь Ч. Мюррей, считает [8, с. 195], что ассоциации, объединяя индивидов,

придерживающихся общих взглядов на то, как обстоят и как должны обстоять дела, создают общее представление об экономической жизни и способах управления ею, чего не в состоянии сделать центральная инстанция.

По своему значению и смыслу функция субъекта в конечном итоге есть воспроизводство им самого себя — субъект существует лишь до тех пор, пока способен это выполнять. Поэтому целью ассоциированного субъекта выступает сохранение института, даже неэффективного с точки зрения общества, например, института бартера, взаимозачетов и т. п. Поддерживая свой статус и выполняя определенную роль в рамках института, субъект осуществляет преобразование ресурсов в своих интересах ради удовлетворения той или иной потребности более эффективно, чем отдельный агент. Каждый член группы берет на себя не все издержки по достижению общей цели, а лишь их часть. Экономия издержек при реализации целевой функции есть то «принуждение», которое заставляет отдельных субъектов, согласовывая свои интересы, предпринимать коллективные действия.

Как мы полагаем, одним из определений институционального субъекта, не совсем полным и точным, но вместе с тем достаточно операциональным на первоначальном этапе категориального познания института, может быть следующее. Институциональный субъект — это совокупность индивидов, объединенных в ассоциацию на основе согласованного принятия и совместного использования ряда требований, ограничивающих масштабы, формы, средства и методы осуществления хозяйственных взаимодействий.

Еще одной исследовательской проблемой является выделение субъектов и агентов института и выполняемых ими функций. Ассоциированный субъект разделяет базовые ценности и нормы, присущие одному институту. Институциональный агент может участвовать в деятельности нескольких институтов, так как он одновременно является носителем многих ценностей и функциональным воплощением многих норм. Например, в одной и той же пространственно-временной точке он выступает агентом института потребителей и института производителей, института рынка и института фирмы, института кооперации и института государства и т. п.

В результате в одном ассоциированном субъекте может отражаться многообразие институтов, так как он выполняет одновременно разные институциональные роли как агент. Если субъект осуществляет прямое, непосредственное участие в функционировании института, определяет целевую функцию и методы ее достижения, то агент осуществляет делегированное, посредническое участие в поддержании норм и правил, стереотипов действий, ценностно-хозяйственных установок института.

Выделение субъектов и агентов выдвигает проблему включения индивида в тот или иной институт как субъекта отношений, выявления механизма интериоризации норм и правил в его деятельность, что является частью общего институционального механизма хозяйствования.

В качестве объектов институциональных взаимодействий большинство авторов рассматривают правила и нормы, регламентирующие, ограничивающие и регулирующие деятельность субъектов хозяйствования и их агентов. Вместе с тем в качестве регуляторов и ограничителей хозяйственной деятельности могут выступать ментальные конструкции, культурные стереотипы, условия внешней среды, что позволяет расширить представление об объекте не только как совокупности норм и правил, но прежде всего как наборе определенных институциональных требований, выполнение которых при помощи общепринятых, формальных и неформальных норм и правил обеспечивает хозяйственному субъекту достижение цели наиболее оптимальным способом. Таким образом, субъекты и агенты института, используя нормативно-правовой инструментарий, вступают в отношения согласования действий, позволяющих им реализовать институциональные требования.

В работах отечественных исследователей плодотворно анализируются функции, выполняемые институтами [27; 29; 44; 55]. Помимо традиционных регулирующей и регламентирующей функций, выделяют распределительные, информационные, субординационные, развития и накопления, что предоставляет широкое поле для исследования их роли и влияния на ход экономических преобразований в России. Так, А. Шаститко, анализируя распределительную функцию, отмечает, что индивид «будет выбирать действия, которые в наибольшей степени соответствуют его представлениям о наилучшем из доступных результатов (то есть критериальной функции)» и тем самым выбирать наиболее эффективные правила. Поскольку именно субъект идентифицирует правила, способ или механизм их реализации, то «их применение обуславливает распределительные эффекты, которые в основном оказываются асимметричными». Поэтому, считает А. Шаститко, контроль над процессом формирования правил является решающим фактором институционального развития [55, с. 73—74]. Содержание информационной функции определяется способностью института «сворачивать» поток хозяйственной информации до правил и норм, применение которых обеспечивает положительный эффект взаимодействий; субординационная функция обусловлена разворачиванием содержания института во времени и пространстве во взаимозависимых, иерархических формах, а функция развития и накопления определяет контуры институционального поля взаимодействий, в рамках которого остаются те субъекты, которые разделяют цели и используют единый инструментальный их достижения. Возникающие отклонения, модификации как в целях, так и методах их реализации, при условии достаточно длительного существования и значительного количественного накопления, обеспечивают качественное изменение института, причем вектор такого изменения отличается многовариантностью [27].

Накопление изменений в институциональных требованиях приводит к развитию противоречий между требованиями, сложившимися в результате предшествующего опыта, и требованиями как результатом изменившихся обстоятельств. Институциональное противоречие как противоречие между формально закрепленными требованиями и реально складывающимся набором ограничений деятельности хозяйственных субъектов способствует созданию стимулов к благоприятному или неблагоприятному отбору модели экономического поведения.

Разграничение в институте субъектов, объектов и методов их использования позволяет отделить формы проявления институционального явления от инструментов, которые используют субъекты института. Например, контракт есть инструмент, позволяющий институциональным субъектам достигать соглашения о взаимодействиях в той или иной области хозяйства. С этой точки зрения выражение «институт контракта» представляется некорректным, так как, по сути дела, речь идет о пространственно-временном и функционально-ограниченном институциональном механизме взаимодействия субъектов при помощи (с использованием) контракта.

Отсюда вытекает еще одна проблема — проблема разделения экономического содержания институтов и их правовой формы. В современной литературе эта проблема трактуется как проблема формальных и неформальных институтов. Под неформальными институтами понимают те формы взаимодействий, которые существуют в реальной жизни, но в правовой практике не узаконены. Формальные институты — институты, получившие статус легитимных, ставшие обязательным правилом для части субъектов хозяйствования. Основой формальных институтов служат реальные отношения, правила, нормы поведения, которые существуют в хозяйственной жизни. Распространяясь с течением времени и подчиняя себе все большую часть хозяйственных субъектов, они постепенно оформляются законодательно, легитимно и приобретают определенные формы. Мониторинг

изменений в неформальных институтах, их легитимизация и статусное оформление субъекта активно разрабатываются в рамках экономико-правовых концепций [58].

Актуальным и практически востребованным является направление, связанное с теневыми и нетеневыми институтами [31; и др.]. Эта проблема, примыкая к проблеме формальных и неформальных институтов, вместе с тем несводима к ней. Нелегитимные институты могут быть не противоречащими закону и открытыми, т. е. вполне легальными. Например, оптимизация налоговых выплат, обналичивание денег, посредничество при уменьшении задолженности предприятий бюджетам всех уровней и т. п. существуют легально как инструменты функционирования института предпринимательства, одна часть которого действует как теневая, а другая — как «прозрачная», причем теневая может делиться на криминальную и некриминальную, т. е. на отношения, которые пока еще никак не регулируются (финансовое посредничество при расчетах с бюджетом), и те, которые противоречат нормам, регулирующим хозяйственные отношения (оффшорные схемы ухода от налогов).

Исследователи выделяют четыре сегмента экономики, позволяющих уточнить понятия легальности и нелегальности: 1) экономическая деятельность, не нарушающая действующих законов; 2) экономическая деятельность, нарушающая права других экономических агентов; 3) экономическая деятельность, соответствующая целям законодательства, но периодически выходящая за его пределы; 4) экономическая деятельность, запрещенная законом.

Для исследования выделяются ряд аспектов: функционирование формальных и неформальных институтов, в неформальных институтах различие теневых и легальных, и среди теневых выделение полулегальных и криминальных. Так, анализ такого теневого института, как «крыша» [29], позволил авторам выделить выполняемые им функции: защиты, обеспечения безопасности, противодействия конкурентам, улаживания споров с партнерами, взыскания долгов. Неспособность государства реализовать эти функции замещается аналогичной способностью особых теневых институтов разных видов: «синих» — криминальных и «красных» — бюрократических [29].

Эти аспекты требуют размышления и обсуждения среди исследователей, так как несовершенство формальных и неформальных, но легальных институтов приводит к возникновению полулегальных или криминальных. Следовательно, необходимо и теоретическое, и практическое осмысление их функционирования, для того чтобы эти институты трансформировались в соответствующие легальные неформальные, а потом формальные институты, или следует отказаться от них, отвергнуть их как не соответствующие интересам общества.

Еще одной проблемой становится проблема выявления и формулирования институционального интереса субъектов и агентов института. Субъект, превалирующим интересом которого выступает сохранение института, определяет институциональное поле хозяйственных взаимодействий, его ограничения и приоритеты, ценностные ориентиры и хозяйственно-этические принципы функционирования. Отдельные агенты реализуют свои специфические интересы в рамках, определенных субъектом, при помощи нормативно-правовых инструментов. Специфические интересы агентов фиксируются в контрактах, коллективных договорах, двух- и многосторонних соглашениях, протоколах и других формах взаимодействий, позволяющих согласовывать интересы как внутри институтов, так и между ними.

Значительное продвижение в этом направлении достигнуто учеными ЦЭМИ РАН. Анализ предприятия как структуры интересов различных групп — иностранных и отечественных инвесторов, работников, акционеров, государственных чиновников и др. — позволил не только сформулировать особенности этих интересов в российской экономике, но по-иному взглянуть на предприятия, как на поток взаимных требований

и обязательств, степень выполнения которых обеспечивает ему устойчивое развитие. «Предприятия формируют особенности поведения физических лиц, которое, в свою очередь, определяет базовые характеристики государственного устройства» [17, с. 402—403; 50; 57].

Возникающие противоречия внутри института, отражая взаимодействие его противоположных сторон, являются источником развития и совершенствования, изменения и разрушения, перехода к новым институциональным формам. Разрешения противоречий между интересами в рамках института можно представить как многоуровневый процесс, разворачивающийся во времени и пространстве.

Первый уровень — уровень различия или проявления специфических интересов агентов в рамках общего интереса институционального субъекта. Подчиняясь принципу сохранения устойчивости в системе, вся мощь института направляется на погашение нежелательных возмущений. На этом уровне возможны два варианта: подавление особых, непривычных, необычных форм и инструментов осуществления хозяйственных взаимодействий либо их локализация в отдельных группах, слоях хозяйствующего субъекта.

Если произошла локализация некоторых особых форм взаимодействия, то второй уровень предстает как уровень разности или закрепления нового правила или нормы в рамках отдельного крупного сообщества индивидов. Причем это закрепление может быть как формальным (в виде отдельных постановлений, указов, разрешений и пр.), так и неформальным (в виде привычки, общепринятой нормы, признанной модели поведения). На этом уровне также возможны два варианта развития: первый — правила и нормы в результате апробации демонстрируют свою неприменимость для крупного сообщества и поэтому отвергаются большинством, но могут остаться локальным, узко групповым правилом; второй — правила и нормы, применяемые на определенной территории, обеспечивают эффективные взаимосвязи хозяйствующих субъектов и закрепляются окончательно как формальные правила.

В случае второго варианта развития событий прослеживается третий уровень — противоположности сторон и становления нового института. «...Господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения» [32, с. 356]. Законодательное закрепление сложившихся и принятых крупным сообществом или несколькими территориально не связанными сообществами хозяйственных индивидов норм и правил — это высший уровень института, характеризующий его зрелость и обеспечивающий в течение какого-то времени неизменность, устойчивость правил, позволяющих снижать степень неопределенности действий, связанных с поведением других индивидов, формировать совместимые друг с другом ожидания, то есть обеспечивать возможность адаптации к этим правилам вновь появляющихся на экономической арене хозяйственных субъектов и агентов.

Постоянно накапливающиеся в результате практической деятельности субъектов и агентов специфические интересы вновь порождают процессы «расшатывания» устойчивых образований, каковыми являются институты, и снова их развитие происходит на трех уровнях. Система прямых и обратных связей между специфическими интересами агентов и интересом субъекта служит основанием модификации и трансформации институтов.

В результате институт совершенствуется через возникновение и разрешение кризисов интересов в его развитии посредством институционального механизма. Институциональный механизм выступает как способ разрешения внутренних противоречий и обеспечения взаимодействия институтов.

3. ПРИРОДА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА

Необходимость изучения институционального механизма подчеркивалась многими исследователями [6; 38; 34], и в 1987 г. в Нобелевской лекции Дж. Бьюкенен выражает сожаление, что экономисты, рассматривая процесс индивидуального выбора, не обращают внимания на сложный институциональный механизм его реализации [6, с. 19]. Российские исследователи не оставили без внимания эту проблему и в ряде публикаций, появившихся в последние годы, пытаются восполнить этот пробел [14; 56].

В результате предложено определение институционального механизма как системы трансформации хозяйственных взаимоотношений субъектов в направлении их иерархического упорядочения на основе общепринятых норм и правил хозяйственной организации и в соответствии с требованиями традиционно существующего или легитимно установленного обществом института. Определено место и роль институционального механизма в экономической системе, его субъектно-объектная и организационно-функциональная структура [14].

Необходимость рассмотрения институционального механизма обусловлена потребностями выявления организационной системы внедрения институциональных норм в жизнедеятельность хозяйственных субъектов. Структурно институциональный механизм выступает неотъемлемой частью хозяйственного механизма, обеспечивающей воспроизводство адекватных проявлениям внешней среды правил. Это способ установления порядка, стабилизирующий экономическую структуру, контролирующий следование общепринятым нормам хозяйственного поведения. При изменении экономических условий хозяйственной деятельности структура и рамки соглашений, контрактов, договоров постоянно пересматриваются, и институциональный механизм предстает как процесс их непрерывного созидания, развития и трансформации [13, с. 14—34].

Структурное строение институционального механизма сложно и отражает в себе все аспекты структуры хозяйственной системы и механизма ее функционирования. С позиций строения хозяйственной системы представляется возможным выделять отраслевые, территориальные, уровневые, субъектные, объектные, секторные, сегментные, а также различные производные от перечисленных виды институциональных механизмов. Такие механизмы детерминированы различными видами и типами исходных институциональных матриц национальной экономики и отражают их функциональный аспект [14].

С позиций строения хозяйственного механизма целостность институционального механизма обеспечивается устойчивыми связями его отдельных элементов, а структура будет характеризоваться, во-первых, наличием связи процессов формирования, функционирования, коррекции и внедрения институциональных ограничений в хозяйственную жизнь; во-вторых, временной последовательностью их осуществления; в-третьих, совокупностью обратных связей, имеющих стабилизирующее воздействие. В соответствии с таким подходом в структуре институционального механизма представляется возможным выделить блоки: формирования норм и правил; реализации и контроля за соблюдением норм и правил; коррекции норм и правил; интериоризации формальных норм и правил.

Институциональный механизм как функциональная подсистема, блок хозяйственного механизма, создавая организационно-нормативные условия стабильной работы субъектов экономики, законодательно закрепляя складывающиеся экономические отношения, способствует эффективной реализации целей и задач, поставленных хозяйственным механизмом. Институциональный механизм — структурный блок последнего и самостоятельно организованная структура, основанная на горизонтальном и вертикальном взаимодействии конкретных субъектов и агентов хозяйствования, призванная обеспечить

упорядоченность их взаимосвязей в рамках экономической системы. Это полностью соответствует сформулированному Л.И. Абалкиным положению о сложности, многоплановости хозяйственного механизма, который нельзя однозначно отнести лишь к базису или надстройке общества [2].

Функциональный аспект анализа институционального механизма предполагает определение природы и специфики его границ и масштабов, субординации и координации субъектов и агентов, пределов созидательного потенциала и допустимых значений параметров, системы противоречий и векторов движущих сил, динамики взаимодействия внутренней и внешней среды.

Предпосылки и условия выделения и анализа институционального механизма как самостоятельного феномена экономической действительности обозначены в рамках теории организаций, трактующей решения как результат выбора под влиянием сложившихся норм и правил [34]; теории общественного выбора, акцентирующей внимание на необходимости превращения формальных правил в неформальные [6; 7]; неоинституциональной теории, подчеркивающей роль рутин в институционализации взаимодействий субъектов [36; 53]; новой институциональной теории, считающей необходимым наличие институционального механизма, обеспечивающего передачу «игрокам» правил, принятых в институте [38; 39; 40]; в работах советских и российских ученых [2; 42; 43; 13], создавших методологическую базу исследования и выделивших институциональный механизм как самостоятельное явление из общесистемного хозяйственного механизма.

Постановка и разработка проблемы институционального механизма обусловила потребность изучения соотношения институтов и организаций. Эти понятия зачастую смешивают, например, считая профсоюз, семью, предприятие институтом. Институт как система отношений, упорядочивающих взаимодействия хозяйственных субъектов на основе согласования ограничений их жизнедеятельности, реализует свое содержание через организации. Организация выступает как объединение институциональных агентов, как оформленная часть ассоциированного субъекта. Через организации и в организациях происходит реализация институциональных требований и их модификация, посредством организации происходит интериоризация норм и правил хозяйственными агентами, продвижение и закрепление образцов поведения через экспансию в окружающую среду норм и ценностей, функций и услуг, предлагаемых институтами. Организация в такой интерпретации является субъектом институционального механизма, что подтверждает и Д. Норт: «...не существует иных решений, кроме использования институциональных механизмов, чтобы установить правила игры, и использования организаций — чтобы обеспечить соблюдение этих правил» [34, с. 31—32].

Гибкость, присущая организациям, которые вынуждены в целях адаптации к изменениям окружающей среды, приспосабливать поведение экономических агентов ценою нарушения некоторых правил, создает основу модификации институтов в долгосрочной перспективе. Как отмечает Д. Норт: «Организации ... по мере своего развития изменяют институты» [40, с. 23]. Накопившиеся отклонения от установленных образцов, норм, правил, отражая интересы определенных социальных групп, могут изменить содержание института, модифицировав или трансформировав ограничения и предпочтения хозяйственных взаимодействий.

Экономический агент, вступая в организацию, получает доступ к обширной информации, которая ему недоступна при функционировании в автономном режиме. Участвуя одновременно в деятельности разных организаций («совместительство», перекрестное владение акциями, система участия и т. п.), индивид получает возможность доступа к разным институциональным системам, что повышает степень оптимальности его выбора, снижает риск неопределенности, способствует получению информации о поведении соперников.

Как справедливо подчеркивает Ю. Осипов, «это отношения не простой передачи управленческой информации, а отношения обмена информацией с выработкой новой информации, имеющей важное функциональное значение для участников отношения...» [43, с. 44]. Тем самым подчеркивается наличие канала обратной связи, посредством которого субъекты институционального механизма корректируют и создают новые институциональные параметры хозяйствования, обеспечивают саму возможность взаимодействия субъектов, обеспечивающего производство товаров и услуг.

Организация как субъект институционального механизма выполняет ряд функций: выступает средством институционализации экономических отношений между агентами; условием продвижения институциональных требований в экономическую деятельность; источником накопления и каналом передачи институциональных изменений на уровень институтов.

Количественные и качественные характеристики институтов — еще одна исследовательская проблема. При каком количестве институтов происходит оптимизация функционирования экономической системы, анализ совокупности каких институтов обеспечивает адекватное понимание сущности и содержания экономической системы, сколько агентов должны вступить во взаимодействия, чтобы институт стал полноценным? Норма, используемая во взаимоотношениях субъектов, становится институтом, когда ее разделяет большинство. Каковы количественные границы «большинства»? Решение этих вопросов позволит выработать алгоритм институционального анализа, обеспечит его математическую формализацию и, значит, более строгую интерпретацию институциональных изменений.

Еще одно направление в изучении институционализма — степень обоснованности институционализации отношений с точки зрения трансакционных издержек. Теория трансакционных издержек, разработанная Р. Коузом, получила широкое признание в мире, так как позволила обосновать выбор рыночной (эквивалентной) или административной формы (передача товаров/услуг внутри иерархии на безденежной основе) взаимодействия хозяйственных субъектов. Анализ обоснованности выбора того или иного способа координации деятельности хозяйственных субъектов с позиций экономии трансакционных издержек в пространственно-временном поле России мог бы не только объяснить феномен «реформы-антиреформы», но и обосновать оптимальное сочетание рыночных и административных форм регулирования экономики.

Исследователи ЦЭМИ РАН анализируют влияние трансакционных издержек на формирование благоприятного инвестиционного климата в России [29], сопоставляя варианты комбинаций легального и нелегального поведения ограниченно рационального человека. На основе проведенного анализа они делают вывод, что комбинация поведенческих альтернатив в России больше нацеливает менеджеров предприятий на максимизацию своего чистого теневого дохода, чем на соблюдение интересов инвесторов. «Стратегический, серьезный инвестор, если и встречается в России, то в виде исключения» — вывод, не только констатирующий факт, но и нацеливающий на поиск таких альтернатив, которые бы обеспечили перелом ситуации [29, с. 33].

Выдвинутая В. Кокоревым [20] гипотеза о росте трансакционных издержек в переходный период от плана к рынку, дополнилась новыми аргументами, предложенными В. М. Полтеровичем. Анализируя особенности трансформации институтов, он предложил включить в традиционный перечень трансакционных издержек затраты, связанные с переходом от одной нормы к другой, которые обозначил как издержки институциональной трансформации. К ним относятся:

1. Составление проекта трансформации.
2. «Лоббирование» проекта.

3. Создание и поддержание промежуточных институтов для реализации проекта.
4. Реализация проекта.
5. Адаптация системы к новому институту.

Введение понятия издержек институциональной трансформации помогает объяснить феномен развития теневой экономики и наличие барьеров для входа на легальные российские рынки [52]. Теневая экономика, базирующаяся на неформальных нормах и правилах, позволяет значительно снизить издержки трансформации и преодолеть высокие затратные барьеры проникновения и закрепления на легитимных российских рынках.

Интересным направлением исследования также является проектирование институтов, сознательно создающихся на основе выявления реальной потребности в них. Такое проектирование становится одной из институциональных функций государства, которая формирует институциональные предпосылки экономического роста, создавая прогрессивную структуру собственности, развитую банковскую систему, фондовый рынок, привлекательный инвестиционный климат и т. п.

Исследователи предлагают при институциональном проектировании учитывать основные принципы: этапной полноты проекта, его компонентной полноты, достаточного разнообразия стимулов, максимальной защищенности от девиантного (оппортунистического) поведения, а также принцип соучастия в разработке и «вживании» определенного института [51]. Институциональное проектирование выступает как сознательная целенаправленная деятельность, направленная на организацию институтов [51; 54], средство решения проблемы упорядочения взаимоотношений, преодоления «атомизированного» состояния экономики, снижения уровня неопределенности.

Альтернативой проектированию институтов выступает их заимствование или «трансплантация» из других экономических систем. Институты, которые предлагают развитые государства, не могут быть адекватно использованы в условиях другой страны и не могут быть «перелицованы» под конкретную страну. Каждая система правил, по мнению В. М. Полтеровича, допускает множество реализаций в зависимости от культурной и специфически исторической среды.

С другой стороны, в заимствуемых институтах могут быть учтены особенности развития и специфика экономического состояния в процессе их модификации к конкретной среде. Поэтому существуют два основных ограничения при выборе институциональной системы, из которой заимствуют отдельные институты. Первая — это проблема совмещения исторического времени или времени развития разных стран. Хотя календарно страны и находятся в одних координатах, хронологически они различаются в зависимости от уровня зрелости и состояния социо-культурно-экономической среды. Вторая проблема — проблема темпов и сроков внедрения новых институтов. Нужно ли внедрять развитые институты сразу или постепенно, поэтапно и таким образом переходить к более совершенному состоянию. В. М. Полтерович предлагает использовать четыре типа стратегии внедрения:

1. Стратегия модификации института-трансплантанта, в рамках которой происходит его адаптация к новой среде.
2. Стратегия институционального эксперимента, когда различные модификации определенного института проходят проверку на совместимость с другими институтами в различных регионах страны.
3. Стратегия «выращивания» института, заимствованного в незрелой форме из истории другой страны.
4. Стратегия построения последовательности промежуточных институтов. Этот вид стратегии позволяет сочетать преимущества выращивания и проектирования, а также управления процессом создания собственных институтов.

Учитывая, что заимствуемые институты в развитых экономиках тоже эволюционируют, возникает асинхронная коэволюция институционального развития разных стран с целью перехода к какой-то общей институциональной системе, которая позволила бы субъектам хозяйства нормально функционировать в разных экономиках. Возникает открытость экономики, открытость, понятая не механистично, как перенос институтов, а как процесс их коэволюционного развития в направлении создания унифицированных норм и правил, позволяющих субъектам хозяйствования понимать и прогнозировать действия других субъектов, находящихся в иных экономических системах.

Актуальной проблемой является также выявление институтов, необходимых и достаточных для функционирования экономики. Если институты собственности, труда и хозяйствования как обязательный компонент необходимы для функционирования экономики, то достаточно ли только государственной формы собственности или найма в форме всеобщей трудовой повинности, или предприятий одного размера и формы собственности и т. п. В настоящее время в России действительно трудно найти институт, который не предлагалось бы реформировать. В то же время никто пока не пытается провести «инвентаризацию» институтов с целью определения среди них жизнеспособных и необходимых для функционирования экономики.

Исследователи сталкиваются не столько с проблемой создания, проектирования новых институтов, сколько с проблемой познания их зрелости или достаточности для данного уровня развития хозяйственных отношений. Степень достаточности будет меняться в зависимости от уровня зрелости, что предполагает мониторинг состояния институтов и своевременное законодательное оформление произошедших изменений. Становление институциональной структуры России как незрелой актуализирует проблему использования институционального механизма, не только обеспечивающего закрепление норм и правил в обыденной жизнедеятельности субъектов, но и своевременное их изменение в определенном обществе направлении развития.

Таким образом, стремления российских ученых на основе традиции глубокого философского осмысления проанализировать феномен института нашли отражение в ряде сформированных направлений исследования, многие из которых пока лишь обозначены, но некоторые уже имеют теоретические и практические результаты. Координация усилий и согласование исследовательских проектов позволили бы активизировать работу по изучению институциональной структуры российского общества и предложить рекомендации, значимые для экономической практики.

4. ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

Важным направлением структурного анализа институтов является осуществление их типологии и классификации. Для ее проведения необходимо сосредоточить внимание на многообразии видов институтов, отличающихся друг от друга отраслевой и региональной, временной и культурно-исторической, субъектно-объектной и функциональной характеристиками. Имеющиеся пионерные работы в этой области [12; 23; 48] свидетельствуют о плодотворности анализа специфических институтов российской экономики как в отраслевом, так и региональном аспектах. Так, анализ институтов в нефтегазовом секторе национальной экономики России подтверждает гипотезу о создании и культивировании ориентированных на образование ренты институтов как своеобразных превращенных форм, в которых закрепляется неэффективная с точки зрения общественных интересов норма распоряжения общенациональным достоянием. А анализ институциональных основ хозяйственного устройства России с точки зрения ее объектно-субъектной и

культурно-исторической специфики показал особую роль общины, коллективистских форм хозяйствования и коллективистской психологии работников [48].

Например, попытки деколлективизации в агропромышленной сфере и переход к преимущественно фермерским хозяйствам не привели к ожидаемым реформаторами результатам. Практика общинного хозяйствования позволяла перераспределять убытки вследствие неблагоприятных погодных условий, ведущих к неурожаю, между всеми подразделениями диверсифицированного хозяйства. Фермер же вынужден нести полную ответственность за результаты деятельности в условиях отсутствия компенсирующих его потери институтов: страхования, кредитования, инвестирования, социального обеспечения.

Экономические последствия чередования более плодородных и менее плодородных земель в рамках крупных хозяйств нивелировались перераспределением убытков между экономическими агентами. Частные фермерские хозяйства, обладая меньшими площадями сельскохозяйственных угодий, не имеют возможности временного переложения убытков на других хозяйственных субъектов. Игнорирование сложившихся в аграрной сфере институциональных ограничений: погодных условий, расположения плодородных земель, традиций общинного землевладения — обусловило возврат крестьянства к системе коллективного пользования сельскохозяйственными угодьями, воссозданию коллективных хозяйств. Поэтому сегодня актуальным направлением исследований становятся становление и развитие институтов налоговой, банковской сферы, казначейства, страхования, институтов региональной системы.

В отдельное направление следует выделить межуровневый подход к изучению институтов. Формирующиеся институты, глобальные и мировые, транснациональные и национальные, региональные и институты на макро- и микроуровнях пока не проанализированы в достаточной мере для проведения полной классификации, а значит, и установления взаимосвязей между ними. Примером классификации служит классификация контрактов О. Уильямсона. В качестве критериев он выбирает технологии, структуру управления и гарантии, а также цену. На основе этих критериев он выделяет контракт, в котором возможен пересмотр системы стимулов, включающих в себя уплату неустоек либо штрафов за досрочное прекращение контрактов; контракт, предусматривающий создание и использование специализированной структуры управления для рассмотрения и разрешения конфликтов; контракт, в котором предусмотрены механизмы обеспечения непрерывности отношений, например, расширение торговых отношений [53, с. 76—77].

Отечественные исследователи все больше предпринимают попытки осуществления классификации институтов в различных системах критериев. Так, Г. Б. Клейнер предлагает в качестве критериев:

- тип субъектов, которых призвана охватить данная норма;
- множество субъектов данного типа — номинальных носителей института;
- множество субъектов данного типа, соблюдающих данную норму, — фактических носителей института;
- сферу принятия решений, деятельности или взаимоотношений субъектов, регламентируемых данной нормой;
- время возникновения, период устойчивости института;
- степень формализации института;
- тип механизма непосредственного информирования субъектов о данной норме;
- тип механизма непосредственного контроля за соблюдением нормы.

В соответствии с этим подходом выделены макро-, микро- и наноэкономические институты; институты всеобщие, частичные и единичные; базисные и вспомогательные.

Число классификаций, как нам представляется, может быть значительным в зависимости от выбранных критериев и их комбинирования. Вместе с тем возникает проблема классификации структуры институтов и институциональных механизмов в пространственно-временном, структурно-функциональном и генезисном аспектах. Для такой классификации целесообразно использовать различные подходы, например, цивилизационный и формационный. Каждый из них характеризует отдельные, специфические черты развития общества, потому что, как отмечает Н. Бромлей, «это разные «срезы» в развитии общества как целостной системы» [5, с. 229].

Для выделения структурных, функциональных и динамических институциональных механизмов целесообразно использовать такой критерий, как признак системы, в соответствии с которым выявляем подклассы и виды институциональных механизмов по функциям, структуре, степени зрелости и в зависимости от состояния. Подвиды институциональных механизмов объединяют конкретно-исторические механизмы, направленные на реализацию институциональных норм с использованием специфических средств и инструментов: регулирующий деятельность сельскохозяйственных производителей, интегрирующий на основе локальных институций, контролирующий внешние взаимодействия и внутреннюю регламентацию, обеспечивающий интенсивный рост и развитие, тормозящий и разрушающий поле хозяйственных взаимодействий, создающий общественно неэффективные формы взаимодействий индивидов и др.

Представленные классификации, будучи неполными, все же способствуют формированию методической основы для характеристики институтов и их механизмов, функционирующих в определенной хозяйственной среде.

5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ИНФРАСТРУКТУРА

Важным направлением анализа сегодня становится изучение институциональной структуры и инфраструктуры экономики. Инфраструктура институтов, по мнению исследователей, должна включать вспомогательные и промежуточные институты и организации. Вспомогательная институциональная инфраструктура включает институты и организации поддержки функционирования существующей институциональной структуры хозяйства или ее общих изменений. Таковы институты, обеспечивающие предпринимательство и организации типа торгово-промышленных палат. Для осуществления приватизации в России были развиты две вспомогательные иерархические структуры: система Комитетов по управлению имуществом и система отделений Российского фонда федерального имущества, а также были созданы несколько сотен чековых инвестиционных фондов. Промежуточные институты, изменяясь во времени, в итоге эволюционируют в направлении конечной формы развитого института. Видимо, промежуточные институты следует рассматривать как «рассадник» или историческую инфраструктуру развитых институтов, которая формирует их в своей среде и отбирает по селективному принципу наиболее жизнеспособные и адекватные состоянию и уровню зрелости существующей хозяйственной системы.

Примером удачного использования институциональной инфраструктуры для реализации целей реформ служит китайский план перехода к рыночной экономике. Его основная идея — сосуществование двух секторов экономики, в которых предприятие может функционировать одновременно и тем самым реализовывать себя как субъект и агент разных институтов. Снижая риск хозяйствования, повышая степень устойчивости и приобретая необходимые навыки, он выбирает тот институт, чьи требования и ограничения представляются ему наиболее оптимальными для достижения поставленных целей. Создание цепи промежуточных и вспомогательных, переходных институциональных форм становится главной задачей реформирования

сегодня, что делает актуальной разработку теории институциональной инфраструктуры.

Еще одной проблемой является изучение институционального пространства, его содержания, форм, траектории и темпов развития, границ и стимулов взаимодействия хозяйственных субъектов. Исходя из того, что «каждой из основных форм движения материи должен соответствовать и свой тип пространственно-временных отношений» [22, с. 203], институциональное поле хозяйственных взаимодействий российских субъектов будет отличаться специфическими характеристиками.

Институциональное поле характеризуется следующими признаками: неоднородностью институтов, находящихся на разных ступенях развития; асинхронностью их функционирования, обусловленной цикличностью развития институтов; дискретностью преобразований, связанных со степенью подготовленности субъектов и агентов к изменению привычных норм и правил. Вместе с тем вектор развития институционального пространства нацелен на достижение: однородности институтов, снижающей степень неопределенности в деятельности субъектов; синхронности функционирования институтов, что позволит субъектам и агентам повысить степень рациональности своих действий; непрерывности в развитии, понимаемой как сохранение преемственности традиций, облегчающих агентам «врастание» в новые нормы и правила. Институциональное пространство — это часть хозяйственной системы, обеспечивающая ее культурно-историческое и организационно-нормативное функционирование в координатах, освоенных хозяйственными субъектами.

6. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие институциональной теории невозможно представить без привлечения новых кадров, расширения числа участников познавательного процесса, интенсификации полемики в процессе исследования. Поэтому одной из важных задач высшего образования мы считаем создание кафедр институциональной теории, а также развитие специализации «Институциональная экономика» в рамках специальности «Экономическая теория». Значительным импульсом усиления внимания и повышения интереса к институционализму явилось создание кафедры институциональной экономики в Государственном университете управления и создание в 1999 г. аналогичной кафедры при научном руководстве академика Д.С. Львова в Волгоградском государственном университете.

Основная цель кафедры — подготовка специалистов, отвечающих образовательно-профессиональным стандартам, сложившимся в ведущих университетах мира. Для реализации поставленной цели кафедра сформулировала ряд задач: приобретение теоретических знаний и методических приемов преподавания институциональной теории; выработка практических навыков институционального анализа экономических явлений; проведение научных исследований по актуальным проблемам переходной экономики России.

Помимо базового курса «Институциональная экономика», «Теория хозяйственного механизма», «Теория собственности и формы предпринимательства» кафедра разрабатывает спецкурсы, дифференцированные как по уровням, так и по специальностям. В частности, в процессе подготовки находятся следующие спецкурсы:

- «Институты и экономическое развитие стран. Сравнительный анализ»: особенности институциональной структуры стран, выяснение специфики ее формирования в России.

- «Институциональный механизм переходной экономики России»: понятие институционального механизма, его субъектно-объектная структура, особенности формирования и функционирования.

- «Институты региональной экономики»: анализ совокупности институтов, функционирующих в регионе, особенности формирования и реализации институциональных требований на муниципальном и областном уровнях.

- «Контрактная природа фирмы (институциональная природа фирмы)»: фирма как совокупность контрактов, виды контрактов, особенности функционирования российских корпораций.

- «Институциональные особенности функционирования предприятий АПК»: специфика предпринимательства в АПК, особенности институциональной организации, пути трансформации и модификации создаваемых институтов.

- «Основные течения институционализма: неоинституциональная и новая институциональная экономика, экономика соглашений»: основные понятия, специфика объекта и методов изучения.

- «Теория транзакционных издержек»: информационные издержки, особенности их формирования, цена информации.

- «Теория общественного выбора»: предпосылки анализа, общественный выбор в условиях прямой и представительной демократии, фиаско государства и правительства, его преодоление в рамках конституционной революции.

- «Институциональное проектирование»: пути развития институтов, зависимость от траектории предшествующего развития, формулирование институциональных требований, механизм их реализации в хозяйственной деятельности субъектов.

- «Теория соглашений»: виды соглашений, их взаимодействие, оппортунистическое поведение агентов.

Полученные преподавателями кафедры в ходе исследований результаты используются в лекциях при чтении курсов и спецкурсов. Например, в курсе «Теория хозяйственного механизма» и спецкурсе «Институциональные особенности функционирования предприятий АПК» используются материалы исследований д.э.н., профессора О. В. Иншакова в области трансформации механизма хозяйствования, анализа институционального механизма как его органической части [13; 14].

В курсе «Институциональная экономика» и спецкурсе «Институциональный механизм переходной экономики России» — материалы научных исследований к.э.н., доцента Н. Н. Лебедевой по проблемам категориального определения и субъектно-объектной структуры институтов и институциональных механизмов [25; 26; 27]. В курсе «Теория собственности и формы предпринимательства» и спецкурсе «Теория транзакционных издержек» — материалы к.э.н., доцентов Е. Г. Руссковой и А. В. Гуковой [10; 47]. В спецкурсах «Контрактная природа фирмы (институциональная природа фирмы)», «Институциональное проектирование» — материалы д.э.н., профессора В. В. Курченкова [24]. В спецкурсах «Теория общественного выбора», «Теория соглашений» — материалы к.э.н., старшего преподавателя С. В. Наумова [35].

Таким образом, кафедра институциональной экономики ВолГУ стремится обеспечить реализацию функций экономической науки: познавательной как изучения институционального наследия и современных достижений в этой области; прогностической как попытки расширить проблематику и горизонты институционализма; практической в ходе разработки некоторых новых подходов и институциональных императивов реформирования экономики на уровне региона. Совершенствование образовательного процесса на основе познания институциональной теории, сочетание научного и образовательного аспектов в ее изучении позволит усилить кадровый потенциал, определить новые аспекты ее исследования, найти пути ее практического применения.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН, 2000.
2. Абалкин Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Изд-во «Мысль», 1973.
3. Авдашева С. Б. Хозяйственные связи в российской промышленности: проблемы и тенденции последнего десятилетия. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках. М.: ТЕИС, 2000.
5. Бромлей Н. Я. Цивилизация в системе общественных структур // Цивилизация. Вып. 2. М., 1993.
6. Бьюкенен Дж. М. Конституция экономической политики: Сочинения: Пер. с англ. Т. 1 / Гл. ред. кол. Р. М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа, 1997. (Нобелевские лауреаты по экономике).
7. Бьюкенен Дж. М. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном: Сочинения: Пер. с англ. Т. 1 / Гл. ред. кол. Р. М. Нуреев и др. М.: Таурис Альфа, 1997. (Нобелевские лауреаты по экономике).
8. Вилькен Ф. Самостоятельная экономика как условие развития общества. М.: Антропософия, 1994.
9. Гребенников В. Г. Ассоциации на пройденные темы // Экономическая наука современной России. 1998. № 1.
10. Гукова А. В. Формирование адаптированной к рыночным условиям производственной инфраструктуры // Россия в актуальном времени-пространстве / Под ред. Ю. М. Осипова и др. Москва—Волгоград, 2000.
11. Зотов В. В., Пресняков В. Ф., Розенталь В. О. Институциональные проблемы функционирования и преобразования экономики России // Экономическая наука современной России. 1999. № 1.
12. Институциональные основы рыночной экономики в России / О. С. Белокрылова, О. Е. Германова, И. Ю. Солдатова и др. М.: Наука, 1996.
13. Иншаков О. §В. Механизм социально-рыночной трансформации и устойчивого развития АПК России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995.
14. Иншаков О. В., Лебедева Н. Н. Хозяйственный и институциональный механизмы: соотношение и взаимодействие в условиях социально-рыночной трансформации российской экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 5. Волгоград, 2000.
15. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
16. Клейнер Г. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4.
17. Клейнер Г. Б. Российские предприятия на пути в XXI век // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. коллектива Д. С. Львов. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999.
18. Козлова К. Б. Институционализм в американской политэкономии. М., 1987.
19. Кокорев В. Институциональная реформа в сфере инфраструктуры в условиях естественной монополии // Вопросы экономики. 1998. № 4.
20. Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12.
21. Коуз Р. Фирма, рынок и право. Нью-Йорк: Телекс, 1991.
22. Крапивенский С. Э. Общий курс философии. Волгоград, 1998.
23. Крюков В. Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.

24. Курченков В. В. Роль ФПГ в реализации производственно-рыночного потенциала переходной экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 4. Волгоград, 1999.
25. Лебедева Н. Н. Институциональная экономика: Материалы к спецкурсу. Волгоград, 1999.
26. Лебедева Н. Н. Субъектно-объектная характеристика институционального механизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 4. Волгоград, 1999.
27. Лебедева Н. Н. Проблемы реализации функций экономических институтов в российской экономике // Россия в актуальном времени-пространстве. Москва—Волгоград, 2000.
28. Львов Д. С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999.
29. Львов Д. С., Гребенников В. Г., Ерзнкян Б. А. Институциональные аспекты формирования благоприятного инвестиционного климата: Препринт # WP/98/062. М., 1998.
30. Львов Д., Макаров В., Клейнер Г. Экономика России на перепутье веков. М., 2000.
31. Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап // Вопросы экономики. 1999. № 4.
32. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2.
33. Мархонько В. М., Третьяков В. А. Институциональное направление современной буржуазной политической экономии. Минск, 1981.
34. Менар К. Экономика организаций / Под ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 1996.
35. Наумов С. В. Развитие рыночных институтов в России: функциональные приоритеты // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 4. Волгоград, 1999.
36. Нельсон Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2000.
37. Никологорский Д. Институциональные предпосылки экономического роста в России // Вопросы экономики. 1997. № 11.
38. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Весна 1993. Том 1. Вып. 2.
39. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
40. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
41. Олейник А. Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.
42. Осипов Ю. М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во МГУ, 1994.
43. Осипов Ю. М. Теория хозяйства: Учебник: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1995.
44. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы: Препринт # 98/004. М.: Российская экономическая школа, 1998.
45. Попов В. Сильные институты важнее скорости реформ // Вопросы экономики. 1997. № 8.
46. Радыгин А., Гутник В., Мальгинов Г. Постприватизационная структура акционерного капитала и корпоративный контроль: «контрреволюция управляющих»? // Вопросы экономики. 1995. № 10.

47. Русскова Е. Г., Гукова А. В. Региональная политика развития производственной инфраструктуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 5. Волгоград, 2000.
48. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб.: Наука, 1998.
49. Сорокина С. Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого? М., 1981.
50. Стратегическое планирование и развитие предприятий. Тезисы докладов и сообщений Второго всероссийского симпозиума. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.
51. Тамбовцев В. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3.
52. Тамбовцев В. Л. Формальное и неформальное в управлении экономикой. М.: Наука, 1990.
53. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катькало. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996.
54. Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3.
55. Шаститко А. Институты как общественные блага // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 1996. № 5.
56. Шевченко В. А. Институциональный механизм системной нестабильности экономики / Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. СПб., 1999.
57. Экономическая наука современной России: Материалы Всероссийской конференции. М.: ЦЭМИ РАН, 2000.
58. Яковлев А. А. Теневая активность предприятий и ограничения экономического роста // Пути стабилизации экономики России / Под общ. ред. д.э.н. Г. Б. Клейнера. М., 1999.